

ЯНОШ М. РАЙНЕР

К истории отношений между Венгрией и СССР
в 1953–1956 гг.

Я не берусь дать обзор всей проблематики венгерско-советских отношений даже за указанные в заглавии несколько лет и совсем не коснусь некоторых важных аспектов (например, экономических отношений). Вслед за кратким историографическим вступлением я остановлюсь на четырех вопросах. Прежде всего на характеристике «венгерской политики» СССР, затем – на некоторых характерных чертах этой политики, сложившихся, «добавленных» после 1945 г., – здесь я упомяну и о проблемах периода десталинизации (1953–56). После этого я коснусь революции 1956 г., рассматриваемой в качестве порожденного кризисной ситуацией вызова советской системе, причем выделю характерные черты механизма принятия политических решений в СССР. Наконец, в завершение доклада я рассмотрю один из аспектов реакции венгерского общества на революцию 1956 г., связанный с Советским Союзом и режимом советского типа.

1. Даже после 1989 г. *современные событиям письменные источники* по истории венгерско-советских отношений стали доступными лишь отчасти. Естественно, поиск новых источников сосредоточился на начале «контактов», периоде 1944–45 гг. и годах перехода власти к коммунистам, на первых годах после смерти Сталина (1953–1955) и, прежде всего на революции 1956 г. и ее непосредственных предпосылках. В середине 90-х гг. в России также началась систематизация и публикация документов послевоенного периода. В сборниках материалов, посвященных советской политике в Восточной Европе 1944–1953 гг., содержалось и много интересных (хотя в основном уже публиковавшихся ранее) документов о Венгрии.¹ Одним из репрезентативных примеров ведущейся ныне в России публикации источников является образцово составленный и прокомментированный сборник советских (и венгерских) документов о венгерской революции 1956 г.² В то же время по-прежнему не осуществлен систематический анализ истории венгерско-советских отношений после 1945 г. на основании архивных документов.

2. Политика СССР в отношении Венгрии исследуется в международной исторической литературе в первую очередь в связи с холодной войной. С этой глобальной точки зрения представляется,

что у Империи, не считая некоторых исключительных моментов, не было особой политики по отношению к Венгрии в том смысле, в каком такая политика имела относительно Германии или Польши. Характер венгерско-советских отношений определялся в Москве региональными и глобальными соображениями. Согласно первым, в противостоянии эпохи холодной войны, развернувшемся во второй трети 40-х гг. Венгрия, в качестве соседней с СССР и соприкасающейся с западным миром страны, стала важной частью «санитарного кордона», советской военной зоны и зоны безопасности. Поэтому нельзя было допустить, чтобы будапештским правительством проводилась враждебная СССР или даже «балансирующая» между Западом и Востоком политика. За Венгрию, как и за Чехословакию, Польшу и восточную часть Германии, во второй мировой войне «лилась кровь советских солдат», и на этой законной основе в случае войны эти территории должны были служить форпостом обороны советских земель. Прозападная внешнеполитическая ориентация или даже просто нейтралитет считались неприемлемыми. Параллельно с обострением холодной войны сокращалась «терпимость» Советского Союза в области безопасности, и отклонения от советской модели в общественном строе «фронтных стран» превратились в факторы риска. В этой ситуации, в конце 40-х гг. произошла встреча двух факторов, определявших советскую политику на мировой арене, – оборонного «имперского», ставившего на первое место безопасность, и наступательного «революционного», сложившегося на почве исключительности коммунистической идеологии.³

В рамках этой общей структуры, действительно, мало что обосновывало отношение Москвы к Венгрии как к особой территории, имеющей для Империи жизненно важное значение. И все же кажется, что постоянно существовали такие соображения, которые делали необходимым «особый подход», и эти соображения время от времени менялись. Так, например, традиционные направления экспансии Российской империи и угрозы ее безопасности влияли и на советских коммунистических политиков. Венгрия не была «на прицеле» с точки зрения экспансии, однако поскольку в двух мировых войнах она воевала против России и СССР в союзе с Германией, ее «ослабление» противодействовало амбициям Германии, великой державы, традиционно доминировавшей в центрально-европейском регионе. Строгий контроль над Венгрией (особенно в позднесталинские годы с характерным для них кокетничеством с великорусским национализмом) обосновывался и тем, что на нее смотрели как на неславянскую страну, образующую «остров», окруженный славянскими

союзниками. Роль Венгрии во второй мировой войне, ее участие в оккупации советских территорий также были в глазах Москвы факторами, легитимирующими оккупацию и установление контроля над страной. В послевоенные годы Москва проявляла особый интерес к некоторым венгерским стратегическим видам сырья (нефти, урану, бокситу).⁴ Вследствие этого экономическое проникновение и эксплуатация венгерских ресурсов значительно опередили перестройку политических структур. Конфликт с Югославией, возникший в 40-е гг., повысил военно-стратегическое значение Венгрии. Позже, когда одновременно со смягчением этого конфликта был подписан договор о территориальной целостности и нейтралитете Австрии, значение этого фактора значительно понизилась, настолько, что в 1958 г. хрущевское руководство, вышедшее на первое место по оснащению армии интерконтинентальными ракетами, внесло предложение о прекращении военной оккупации Венгрии.⁵

3. Наряду с общими долгосрочными факторами, на «венгерскую политику» Империи оказывали влияние и исторические обстоятельства. Они были событиями *совместной истории*. Важнейшей из них была революция 1956 г. В период с 1945 по 1989 г. это был самый серьезный вызов, с которым пришлось столкнуться СССР в Восточной Европе. События 1956 г. были связаны с периодами наиболее динамичной десталинизации советского региона в 1953–56 и 1961–64 гг. Степень, динамика, направления и пространство десталинизации и ресталинизации (без Сталина), – таковы важнейшие факторы возможной интерпретации истории эпохи и описания венгерско-советских отношений. В этом контексте возникает и вопрос синхронности и диахронности. Как в СССР, так и в Венгрии основной тенденцией данного периода был отход от «классической системы».⁶ В *политической плоскости* между двумя странами в определенной степени наблюдалась синхронность, обусловленная то более, то менее строгим «ручным управлением», сложившимся именно в предшествующий период, непосредственно сталинского наследия. Зато эти две страны значительно отличались друг от друга, например, в отношении *политической активности, инициативности и динамизма общества*. Если в СССР общество, по понятным историческим причинам, относительно пассивно относилось к переменам, начавшимся после 1953 г., то в Венгрии наблюдалась значительная и нарастающая общественная активность. Уже в этот период возникли ростки тех особенностей Венгрии, которые четко проявились позже, в шестидесятые годы (группа явлений, связанных с экономическими и политическими реформами).

Тогда же проявилась и своеобразная, сильная «судорожность» советской реакции (прагматичное восприятие изменений в 1953 г., затем неожиданный переход к резко идеологичному и поэтому враждебному подходу на рубеже 1954–55 гг. и еще более быстрая смена таких же реакций в 1956 г.).

Введение в Венгрии режима советского типа произошло, конечно, по указаниям и под руководством Москвы. Однако это утверждение целесообразно уточнить, поскольку руководство Москвы редко было однозначно непосредственным. Сталин не всегда мог давать инструкции Ракоши, в этом не было необходимости. Венгерское партийное руководство, состоявшее из «homo cominternicus»-ов, в своих действиях руководствовалось просто идеологическими и культурными рефлексами. Оно знало советскую модель организации общества, все другие системы были ему чуждыми и враждебными даже несмотря на то, что, как, например, в течение недолгого времени в 1945 г., его в большей или меньшей степени поддерживали некоторые, причем далеко не незначительные группы общества (часть рабочих крупных предприятий, множество лиц, подвергшихся при предыдущем режиме политическим или расистским преследованиям, бедное и безземельное крестьянство восточных областей страны), а еще большее количество венгров принимало коммунистов как реальность. Советизация разочаровала поддерживавших коммунистов людей, лишь немногие из которых «получили» какие-либо выгоды (власть, карьерное продвижение), и оправдала наихудшие ожидания «реалистов». Советский режим в Венгрии на начальном этапе его существования можно характеризовать и как режим недоверия и страха. Общество было недоверчиво и страшилось бедствий, которые могли обрушиться на него в будущем. Коммунистическое руководство одновременно боялось народного сопротивления и гнева Москвы, который мог выразиться в чистках при допущении каких-либо ошибок. А правитель Империи не доверял никому, и меньше всего разным ракоши, которых действительно был готов уничтожить в любой момент (что и доказал на многих примерах). Этим недоверием и страхом (хотя и не только ими) можно объяснить и причины создания Советским Союзом в 1948–50 гг. в Венгрии и других странах такого необыкновенно широкого и разветвленного аппарата контроля. Не удовлетворяясь «нормальным» дипломатическим представительством, сохранявшейся военной оккупацией и оживившимися межпартийными связями, советское руководство инфильтрировало легальными советниками и нелегальными агентами государственные структуры, производство, но прежде всего – армию и органы государственной безопасности.

Сталину и в Венгрии не нужно было непосредственно приводить в движение механизмы, моторы и винты и управлять их работой. Это осуществлялось людьми, руководствовавшимися схематическими образцами, идеологическими ценностями большевистского движения, а также детерминировавшими это движение культурными традициями. Эту культуру усвоили и советники, добавившие к ней сознание превосходства советского строя и военную дисциплину.⁷

Парадоксальным образом после смерти Сталина советское вмешательство стало, если это возможно, даже еще более интенсивным. Это и не казалось необычным явлением, ведь соответствующая система институтов и готовность к восприятию указаний уже существовали. Гораздо более неожиданными оказались «корректирующие» директивы, ошеломившие Ракоши и его единомышленников в июне 1953 г. в Москве. В Венгрии угроза кризиса и борьба за власть после смерти Сталина привели к редкому результату, когда непосредственное советское вмешательство принесло подавляющему большинству венгерского общества однозначно положительные перемены. Однако коррекция была вызвана стремлением к стабилизации Империи, поэтому парадигма «позитивного вмешательства» оказалась непродолжительной. Тех, кто видел в этой коррекции некое «коммунистическое Просвещение» (как Имре Надь в 1953–54 г. или внутрипартийная оппозиция после XX съезда КПСС), постигло разочарование. Отказ от коррекции породил в Венгрии политический кризис, который в сочетании с сопротивлением всего общества привел к революции 1956 г.

4. В 1956 г., в кризисной ситуации, созданной венгерской революцией, механизм принятия решений в СССР, как и раньше, функционировал под влиянием двух соперничавших друг с другом парадигм: идеологической (революционной) и прагматической (имперской). Выработанную таким образом политику необходимо было представлять, по крайней мере, в трех политических пространствах: в самом СССР (в среде советской партийной и военной элиты, а также партийных активистов), в Венгрии (в венгерской коммунистической элите и, подобным же образом, в других областях имперской периферии), а также на Западе (в первую очередь в США, но, например, и в афро-азиатском регионе, будущем третьем мире). В принципе для каждого из этих политических пространств существовала политика, соответствовавшая обеим парадигмам. Отдельные элементы этих парадигм появились и при вынесении советским руководством решений, направленных на преодоление кризиса. Поэтому наблюдались и столкновения. Большую роль в принятии Москвой окончательного решения 31 октября 1956 г. сыг-

рало опасение Хрущева, что прагматическая точка зрения (продолжение политической пачификации венгерской революции в духе формул 28 октября) приведет к реализации во всех политических пространствах наихудшего сценария, в то время как польза от этой точки зрения может быть получена лишь в отдаленном, неопределенном будущем. В сравнении с этим риск, связанный с идеологическим решением (интервенция для «защиты социализма»), казался гораздо меньшим.

На самом деле аргументация Хрущева лишь меньшей частью опиралась на идеологию, в своем выступлении на заседании Президиума 31 октября он поставил в центр своих рассуждений защиту имперского престижа. Вывод войск из Венгрии, сказал он, свидетельствовал бы о слабости Советского Союза, и этим воспользовались бы другие страны: «...это подбодрит американцев, англичан и французов империалистов. Они поймут как нашу слабость и будут наступать. ... К Египту им тогда прибавим Венгрию». Другим главным аргументом были внутривполитические последствия тяжелого ущерба престижу СССР: «[Выводом войск] мы проявим ... слабость своих позиций. Нас не поймет наша партия».⁸ Это относилось к «кругам», способным оказать влияние на верховное руководство, прежде всего к армии, органам госбезопасности и аппарату, и обращало внимание на угрозу раскола и борьбы за власть.

Ключевой политической фигурой советской интервенции был выбран Янош Кадар, член правительства Имре Нада. Во время первого «собеседования» в Кремле, 2 ноября 1956 г., он, видимо, еще точно не знал, зачем его вызвали. Кадар, будущий прагматик, явно сосредоточился на венгерском политическом пространстве и применил идеологический подход. Он подробно описал массовый характер движения, подчеркнул наличие базы этого движения среди рабочих, а также преследуемые им социалистические цели. На другой день, в решающий момент, он перешел в пространство советской мировой империи, но продолжал говорить на языке идеологии: «Что делать? Отдать соц[иалистическую] страну к[онтр]р[еволюции] невозможно. Согласен с вами. Правильные действия – образовать рев[олюционное] правительство».⁹ Кадар все же никогда не забывал о тягостном впечатлении, произведенном на него массовым характером народного выступления, 3 ноября он несколько раз ссылаясь на него («Весь народ [участвует] в движении. Народ не хочет ликвид[ировать] н[ародно]-д[емократический] строй»), как ссылаясь и на обиды, нанесенные венгерской нации введением советского режима, а также на имперскую зависимость («Это правительство должно быть не марионеточным»)¹⁰

«Явление» венгерской революции стало новым вызовом советскому руководству, создало такую ситуацию, для которой не существовало заранее разработанных «сценариев». Постсталинский советский режим обеспечил возможность для возникновения группировок внутри руководства, что порождало дискуссии; соображения, предварявшие те или иные решения, стали более многообразными, их можно было высказывать и защищать. Процесс десталинизации и без того стимулировал появление у руководства сомнений, неуверенности и склонности к ревизии, и это сказалось и на внешней политике. В этой ситуации, с одной стороны, к Венгрии применялись привычные суждения, но, с другой стороны, и венгерские события влияли на суждения советских руководителей. Хотя и с сильными колебаниями, но все же сложилась «либеральная» группировка, которая, правда, не приняла требований революции, но все же пыталась подходить к союзным странам как к относительно самостоятельным субъектам и могла представить себе проведение политических решений без применения военных мер. 31 октября 1956 г. это более «идеологичное» течение потерпело тяжелое поражение, но не исчезло полностью: в области внутренней политики оно снова окрепло в июне 1957 г., а затем – в 1961 г., на XX съезде партии. Принципы, получившие право на жизнь после 1953 г., а также положения, сформулированные 30 октября 1956 г., частично реализовывались в мирные периоды, например, в Венгрии эпохи Кадара. С другой стороны, венгерская парадигма воплощалась и в методах разрешения конфликтов, применявшихся советским руководством: аналогичные «сценарии» оказания давления и вмешательства систематически использовались в 1968, 1979, и 1981 гг. С этой точки зрения Венгрия и революция 1956 г. действительно имели поворотное значение: на мгновение как будто бы представилась возможность посредством невиданного самоанализа, осуществленного на фоне венгерской революции, вытолкнуть телегу империи из той колеи, по которой она двигалась и тогда, когда уже подверглась различным усовершенствованиям. Однако эта возможность ушла, к тому же безвозвратно: после многих кризисов, по существу разрешенных «на венгерский манер», кардинальные перемены принес лишь решающий кризис конца восьмидесятых годов.

5. 4 ноября 1956 г., а также в течение нескольких последующих недель Венгрия оказалась на положении колонии в полном смысле этого слова: ее руководители назначались в Москве, страной некоторое время руководили советские партийные и государственные лидеры, пользовавшиеся методом «ручного управления». Но после периода умиротворения наиболее яркие институты осуществления

советского влияния и контроля были ликвидированы. Отовсюду, за исключением органов государственной безопасности и руководства армией, были отозваны советники, было заключено «правильное» межгосударственное соглашение об оккупационных войсках. После 1956 г. Москва видела залог безопасности своей имперской зоны не только в своем военном потенциале, но и в прежде всего лояльном и в то же время знающем и понимающем местных особенностях, а также в определенной степени умеющем представлять эти особенности местном руководстве. Янош Кадар прекрасно соответствовал этому требованию, был настоящим архетипом идеального партнера постсталинского советского руководства.

В 1956 г. национальное унижение влияло на чувства венгерского общества даже сильнее, чем недифференцированный антикоммунизм. Это объяснялось оккупацией и последующим введением «социалистического» режима по советскому образцу. Как показали стихийные эмоции, прорвавшиеся наружу в ходе революции 1956 г., эти чувства не слишком изменились и под влиянием деятельности первого правительства Имре Надя.

События 4 ноября 1956 г., поражение, а затем крах сопротивления, впечатление, что «(западный) мир оставил венгров в одиночестве», – все это причинило новый шок, более тяжелый, чем в 1945 г. Именно тогда в венгерском обществе утвердилась мысль: «от них (русских) не избавишься». В результате общенационального потрясения начались ретроспективная переоценка и приуменьшение значения случившегося («ведь все равно почти все было иллюзией...»), а также возрастало стремление к более или менее нормальной жизни. После такого периода неслыханно возросло значение предсказуемости и планируемости. После 1956 г. Янош Кадар сильно заботился о том, чтобы по возможности замаскировать просоветский, вассальный характер своего режима. В 1985 г. он рассказал Михаилу Горбачеву историю своей жизни и своего времени. О периоде после 4 ноября 1956 г. он сказал следующее: «Я [п]росил, чтобы советские войска не патрулировали на улицах, не участвовали в наведении порядка. Любому венгерскому гражданину приятнее, если ему стукнет по голове венгр, а не кто-то другой. Тогда он вернется домой и не воспримет это как национальную обиду».¹¹ Эта формула, примитивность которой уступает лишь ее циничности, прекрасно функционировала на протяжении большей части эпохи Кадара. Советская оккупация была одним из тех очевидных фактов, о которых все знали, но никто не говорил за пределами тесного семейного круга, а, может быть, даже и в кругу семьи. Советская оккупация, роль Советского Союза в подавлении

революции 1956 г., советский характер режима, – все это стало важнейшим табу в десятилетия после 1956 г. События 1956 г. знаменовали коренной перелом в представлениях венгерского общества о советских людях, о Советском Союзе.

Примечания

1. Волокитина, Т. В. – Исламов, Т. М. – Мурашко, Г. П. (ред.) Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953. Т. 1., 1944–1948. Т. 2. 1949–1953. Москва–Новосибирск, 1997., 1998.; Т. В. Волокитина (отв. ред.) Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. Документы. Москва, 1999. Наряду с этими сборниками источников ныне уже имеется и русское историческое исследование: Волокитина, Т. В. – Мурашко, Г. П. – Носкова, А. Ф. – Покивайлова, Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа 1949–1953. Очерки истории. Москва, 2002.

2. Орехова, Е. Д. – Серeda, В. Т. – Стыкалин, А. С. (ред.) Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Москва, 1998. Создана и первая монография о венгерской революции: Стыкалин, А. С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. Москва, 2003.

3. Gaddis, John Lewis: *We Now Know. Rethinking Cold War History.* Oxford, 1997. Mastny, Vojtech: *The Cold War and Soviet Insecurity: The Satlin Years.* New York, 1996. Zubok, Vladislav – Pleshakov, Constantine: *Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Khrushchev.* Cambridge, Mass., 1996. Дискуссия о холодной войне, идущая в Соединенных Штатах и в других странах, подробно показана на основе обзора большого количества литературы в работе: Leffler, Melvyn P.: *The Cold War: What Do „We Now Know“?* In: *American Historical Review*, April 1999, 501–524. См. еще: Békés Csaba: *A hidegháború eredete. Évkönyv 1999. Magyarország a jelenkorban.* Budapest, 1999. 217–226.

4. Этот фактор особенно подчеркивался в статье: Borhi László: *A kreml kalmárok.* In: Borhi László: *A vasfüggöny mögött. Magyarország a nagyhatalmi erőterben 1945–1968.* Budapest, 2000. 5–70. См. еще: Он же: *Megalkuvás és erőszak. Az Egyesült Államok és a szovjet térhódítás Magyarországon 1944–1949.* Debrecen, 1997.

5. Rainer M. János: *Hruscsov Budapesten, 1958 április. Egy látogatás anatómiája.* In: *Budapesti Negyed*, 1994/2. 159–190.

6. Это понятие описано в книге: Kornai János: *A szocialista rendszer. Kritikai politikai gazdaságtan.* Budapest, 1993.

7. Создание этого механизма прекрасно описано в книге: Naimark, Norman M.: *The Russians in Germany. A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949.* Cambridge, Mass., 1995.

8. Советский Союз и венгерский кризис, 479.

9. Там же, 543.

10. Там же.

11. Baráth Magdolna – Rainer M. János (szerk.): *Gorbacsov tárgyalásai magyar vezetőikkel. Dokumentumok az egykori SZKP és MSZMP archívumaiból, 1985–1991.* Budapest, 2000, 50.